

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ВАЛЕРИЙ ШАМБАРОВ

ИВАН ГРОЗНЫЙ ПРОТИВ «ПЯТОЙ КОЛОННЫ»

ИУДЫ РУССКОГО ЦАРСТВА

Исторические открытия

Валерий Шамбаров

**Иван Грозный против «Пятой
колонны». Иуды Русского царства**

«Алисторус»

2016

УДК 94(47)"15"
ББК 63.3(2)44

Шамбаров В. Е.

Иван Грозный против «Пятой колонны». Иуды Русского царства
/ В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2016 — (Исторические
открытия)

ISBN 978-5-906842-95-4

Наша страна, с ее огромной территорией и природными богатствами, всегда была «лакомым куском» для алчных иноземных захватчиков. Но не всегда ее удавалось покорить силой оружия. В таких случаях оставался захват изнутри – использование на нашей территории людей, которые вели бы активную пропаганду, перемежающуюся с определенного рода подрывной деятельностью. У такого явления есть термин – «Пятая колонна». В истории нашей страны примеров такого воздействия, примеров предательства веры и Родины, подлости ради «тридцати сребреников» множество... На кого работали заговорщики в эпоху Ивана Грозного? Кто стоял за организацией Смуты? Почему на Украине простой народ во все времена хотел быть вместе с русскими, а руководство раз за разом предавало? И почему измены в России до сих пор остаются постоянно действующим фактором внутренней и внешней политики? На эти и другие вопросы вам ответит новая книга известного писателя Валерия Шамбарова «Иван Грозный против «Пятой колонны». Иуды Русского царства».

УДК 94(47)"15"
ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-906842-95-4

© Шамбаров В. Е., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Валерий Шамбаров	6
От автора	7
Узел первый	8
Узел второй	17
Узел третий	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Валерий Шамбаров
Иван Грозный против «Пятой
колонны». Иуды Русского царства

© Шамбаров В., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

От автора

Изменники существовали на Руси с самых ранних времен. Как говорится, в семье не без урода. Впрочем, их хватало во всех других странах. Но в нашей истории данное явление обладало важными особенностями. Ведь за русскими границами лежали не просто чужие страны. Там лежала чужая цивилизация. Западная, католическая, весьма алчная и агрессивная. Те, кто склонился на ее сторону, предавали не только правителей. Они предавали веру и весь свой народ. Самые яркие фигуры, вступившие на подобный путь в глубинах прошлого, я представил читателю в первой книге этой дилогии «„Пятая колонна“ Древней Руси».

Однако наша страна с Божьей помощью преодолевала удары внешних и внутренних врагов. В XV в. на развалинах Киевской и Владимирской Руси поднялось могучее Русское царство. Но «пятая колонна» при этом не исчезла. Наоборот, она пустила прочные корни в государственной верхушке. Обрела идеологию западничества, подкрепляющую и оправдывающую эгоистичные выгоды и амбиции. Из отдельных проявлений измены и заговоры превратились в постоянно действующий фактор российской политики. Об этом периоде рассказывает книга, которую вы сейчас держите в руках.

Узел первый «Старцы» и шпионы

Во всех солидных учебниках и трудах по отечественной истории, в исследованиях о духовном прошлом нашего народа разбирается сюжет, как в конце XV – начале XVI в. православную церковь сотрясали споры между нестяжателями, которых возглавлял св. преподобный Нил Сорский, и иосифлянами под предводительством св. Иосифа Волоцкого. Споры жестокие, чуть ли не первый раскол! Нестяжатели требовали отказаться от церковной собственности, конфисковать церковные и монастырские земли, а священникам и монахам жить сугубо собственным трудом. Иосифляне, напротив, отстаивали обогащение монастырей. Разногласия касались и еретиков. св. Иосиф Волоцкий призывал казнить их, а нестяжатели возражали, что действовать надо мягкими мерами, убеждением.

История этого конфликта широко тиражировалась, анализировалась. Ученые и публицисты философски разводили руками – надо же, двое православных святых враждовали между собой! Однако современные исследователи, детально изучив документы, убедительно показали: вся информация о расколе нестяжателей и иосифлян в своей основе взята из одного-единственного источника! Ее автором был «старец» Вассиан Косой. В миру – Василий Патрикеев.

Он принадлежал к высшей аристократии, к Гедиминовичам и Рюриковичам. Его прадед, князь Патрикей Наримунтович, перешел на русскую службу из Литвы. Государь Василий I обласкал высокопоставленного эмигранта, пожаловал обширные вотчины. За его сына выдал собственную дочь. Этот сын, Юрий Патрикеев, и внук, Иван Юрьевич, занимали важнейшие должности московских наместников, воевод. Получали награды, преумножая владения. Иван Патрикеев стал богатейшим человеком в России. Ивану III он приходился двоюродным братом, возглавлял Боярскую думу.

Но в 1470-х гг. в нашу страну внедрилась ересь «жидовствующих». Сектанты целенаправленно старались захватить в свои сети верхушку общества. Среди тех, кто соблазнился, оказались и Патрикеевы. Ересь гнездилась при дворе Елены Волошанки, жены наследника престола Ивана Молодого. В 1490 г. его отравили. Строились планы возвести на трон малолетнего внука Ивана III – ребенка Волошанки Дмитрия Ивановича. Но ведь государь был женат вторым браком на Софье Палеолог, от нее тоже имелся сын, Василий.

В 1497 г. его оклеветали. Патрикеевы и их зять Ряполовский обвинили его, будто он готовит заговор против отца и Дмитрия. Доносили самые знатные, самые доверенные люди! Государь поручил им расследование – если они сумели что-то разузнать, пускай разберутся до конца. Патрикеевы рьяно взялись за дело и подтвердили: заговор существует. У нескольких приближенных Софьи под пытками вырвали признание. Двоих приговоренных четвертовали на льду Москвы-реки, четверых обезглавили. Знахарок, лечивших великую княгиню, объявили колдуньями и утопили. Многие дворяне попали в темницу. Иван Васильевич провозгласил наследником внука Дмитрия...

Однако насчет жены и сына он все-таки сомневался. Что-то не сходилось, совесть была не спокойна. Великий князь допускал, что их охмурили и втянули придворные смутьяны, обошелся с ними довольно мягко. Василия взял под домашний арест, «за приставы на его же дворе». Софью оставил в ее покоях, только не желал с ней видеться. Свои сомнения государь проверял, вел дополнительные розыски. Открывались новые факты. Миновал год, и всплыла истинная картина. Весь заговор Василия оказался клеветой! Иван III еще не знал о тайной организации еретиков. Расценил преступление только как дворцовую интригу: партия Елены Волошанки нейтрализовала соперников.

За клевету по русским законам полагалось такое же наказание, под которое подводились жертвы. Патрикеевых и Ряполовского Иван III приговорил к смерти. Но с ходатайствами за столь знатных особ выступил митрополит. А рядом с государем оставались еретики во главе с дьяком Курицыным, уговаривали смягчить кару. Все-таки двоюродный брат, племянник! Великий князь поддался. 5 февраля 1499 г. на Москве-реке, на том же месте, где год назад казнили мнимых заговорщиков, отрубили голову одному лишь Ряполовскому. Ивану Патрикееву и старшему сыну Василию казнь заменили пострижением в монахи. Одного отправили в Троице-Сергиев монастырь, второго в Кирилло-Белозерский. Младший сын, Иван Патрикеев, бояре Василий Ромодановский и Андрей Коробов отделались заключением.

Основная борьба с «жидовствующими» развернулась уже без их участия. Сектанты повели очередную подспудную атаку, и именно под флагом нестяжательства. Подталкивали Ивана Васильевича конфисковать церковные земли. Провокация была задумана хитро. Великий князь поссорится с церковью, разгорятся конфликты со священниками, монастырями. А еретики выступят опорой Ивана III, восстановят влияние. К тому же «жидовствующие» были связаны с высокопоставленными аристократами, которые рассчитывали хорошо погреть руки на конфискациях.

Но митрополит Симон, новгородский архиепископ Геннадий, преподобный Иосиф Волоцкий продолжали раскапывать темные дела сектантов. Да и в семье Ивана Васильевича положение переменилось. Василия он освободил, приблизил к себе, пожаловал ему титул государя. Сын и Софья стали деятельными союзниками борцов с ересью. Состоялось несколько церковных соборов, осудивших «жидовствующих». В 1502 г. Елену Волошанку и княжича Дмитрия взяли под стражу. Их было запрещено именовать великокняжескими титулами и даже, как еретиков, поминать в храмах. Враги пытались наносить ответные удары. Государыня Софья Фоминична умерла, отравленная мышьяком.

Преподобный Иосиф Волоцкий доказывал, что ересь – смертельная зараза. Если не уничтожать разносчиков, она будет охватывать здоровых людей, губить души. А покаяние от «жидовствующих» принимать нельзя, их мораль допускала и поощряла ложь. Но среди советников Ивана III у сектантов оставались свои люди. Удерживали его от крайних мер. Казнить сектантов он не решался. Лишь в 1504 г., когда он тяжело заболел, св. Иосиф и его сторонники доказали государю – ересь надо выкорчевать с корнем. Руководителей секты приговорили к смерти. В Москве сожгли главу Посольского приказа дьяка Волка Курицына, Дмитрия Коноплева и духовника Елены Волошанки Ивана Максимова. Еще нескольких еретиков казнили в Новгороде. Остальных осужденных разослали по тюрьмам и монастырям. Тогда же, в январе 1505 г. умерла в темнице Елена Волошанка. Может быть, заключение и переживания подорвали ее здоровье, но не исключено, что ее умертвили тайно. Ее сына Дмитрия содержали со всеми возможными удобствами. В заключении он имел большой штат прислуги, мог распоряжаться собственными владениями. Но на свободу его не выпустили, он преставился в 1509 г.

И вот тут стоит вернуться к конфликту нестяжателей и иосифлян. Факты красноречиво показывают, что истинная картина оказалась сильно искаженной. Во-первых, св. Иосиф Волоцкий никогда не выступал за обогащение монастырей – но земельные владения помогали монахам вести просветительскую работу, лечить больных, помогать бедным и сиротам, кормить голодающих во время неурожая (что и делал св. Иосиф). Во-вторых, преподобный Нил Сорский действительно основал в Вологодской земле обитель, где монахи жили своим трудом, в скитах. Но против церковной собственности он никогда не выступал! И не отрицал возможность спастись в богатых монастырях.

И тем более св. Нил не был адвокатом еретиков. Когда открылась ересь, и новгородский архиепископ Геннадий воззвал к авторитетным церковным деятелям о поддержке, среди них был Нил Сорский. Он участвовал в расследовании и проклял ересь. А со св. Иосифом Волоцким он никогда не ссорился и не сталкивался! В настоящее время доказано, что препо-

добный Иосиф в своем главном трактате против «жидовствующих», «Просветителе» («Сказании о новоявившейся ереси»), использовал работы св. Нила. Но и Нил Сорский, в свою очередь, очень уважал его, держал в обители многие его труды, а «Просветитель» ценил настолько высоко, что собственноручно переписал половину книги.

Ожесточенные атаки на иосифлян повел вовсе не он, а Вассиан Косой, о котором мы уже упоминали. Его отец, Иван Патрикеев, был уже в преклонных летах и нервной встряски не перенес, вскоре после пострижения умер. А Василий отделался довольно легко. Превратившись в Вассиана, он неплохо устроился в большом и богатом Кирилло-Белозерском монастыре. В Москве у него остались высокопоставленные родственники, друзья. Да и секта «жидовствующих» не была уничтожена, она лишь затаилась. Покровители поддерживали Вассиана, подсказывали выигрышные ходы.

Из монастыря он ушел в скит недалеко от Ниловой обители, однако совсем ненадолго. В 1508 г. св. Нил Сорский преставился, и сразу же после этого, в 1509 г., Вассиан перебрался в Москву, в «элитный» Симонов монастырь. Причем начал представлять себя «преемником» преподобного, опираться на его имя! А покровители не сидели сложа руки. Протолкнули столь мудрого и праведного «старца» ко двору. Он сумел завоевать доверие Василия III, стал одним из ближайших советников. И первое, что он сделал, – вызвал охлаждение государя к врагу «жидовствующих», св. Иосифу Волоцкому. Доказал, что казнить еретиков нельзя, и их преследования свернулись. Впрочем, основные работы против иосифлян он написал позже, когда преподобный Иосиф умер и не мог уже ответить. Вот тут Косой не стеснялся, по своему разумению «цитировал» и «учителя», св. Нила Сорского, и св. Иосифа. Изображал, будто Волоцкий игумен одновременно нападал на св. Нила и на самого Вассиана, чего никогда не было и быть не могло!

Теперь учителя сектантов маскировались под обликом «заволжских старцев», и Косой формировал вокруг них церковную оппозицию. Он был прекрасным публицистом, пороки и недостатки отдельных священников и монахов распространял на всю церковь, критиковал государственные порядки, выдвигал идеи радикальных реформ. Опять напирал на необходимости конфисковать церковную собственность. Правда, на это Василий III все-таки не пошел. Но многие предложения Вассиана принимал.

А кроме церковной, в нашей стране имелаась мощная светская оппозиция. Василий II Темный, Иван III и Василий III объединяли Россию, ваяли ее из россыпи удельных княжеств. Для этого держали курс на самодержавие, укрепление центральной власти. Подавляли феодальную анархию, в свое время погубившую Киевскую и Владимирскую Русь. Подтягивали дисциплину среди князей и бояр, государственная служба устанавливалась для них священным долгом. Хотя западный мир жил совершенно иначе, там аристократы кичились «свободами». Тянулись к роскоши, разгулу, наслаждениям – ведь царила эпоха Возрождения. Особенно широко расплескались подобные «свободы» по соседству, в Литве и Польше. Там магнаты диктовали свою волю монархам, бесконтрольно хозяйничали в стране.

Для русской знати это становилось ох каким соблазном! У великого князя было четверо братьев: Юрий Дмитровский, Симеон Калужский, Дмитрий Угличский, Андрей Старицкий. А верхушку бояр составляли Шуйские, Курбские, Кубенские, Ростовские, Микулинские, Воротынские и др. Не столь давно их предки тоже были самостоятельными князьями. Были и знатные перебежчики из Литвы. Князя Бельского Иван III женил на своей племяннице, Мстиславского на внучатой племяннице. Такие особы считали свое положение не намного ниже государева. Раздражались, что им приказывают, как слугам. Вели себя заносчиво. Конечно же, хотелось жить, как в Литве. Но для этого требовалось эмигрировать. Или переменить власть на родине.

А время были неспокойное. Римский папа-извращенец Александр VI Борджиа развернул очередное наступление на православие. В Литве был поставлен митрополитом смоленский

епископ Иосиф Болгаринovich, принявший унию. Он разъезжал по стране с католическим епископом, толпой бернардинских монахов и отрядом солдат. Отбирали у православных храмы, смещали священников, заменяя униатами. Нагрянув в город или село, заставляли людей перекрещиваться в католицизм. У тех, кто противился, отнимали детей, женщин и перекрещивали насильно. Папа бурно приветствовал подобные действия. Издал особую буллу, поздравлял литовцев: «Еретики наконец озаряются истинным светом».

Папа помог полякам и литовцам заключить союз с Ливонским орденом, подтолкнул к войне против Руси. Однако результат оказался плачевным. Неприятелей вдребезги разгромили в битве при Ведроши, отобрали приграничные области. Литовский король Александр был женат на дочери Ивана III Елене – он упросил жену стать посредницей, взмолился о мире.

Впрочем, неудача не образумила врагов. Когда преставился Иван III, паны снова осмелели. Принялись требовать, чтобы русские возвратили все завоевания, предъявили претензии даже на Псков и Новгород – поскольку новгородцы в свое время признали себя королевскими подданными. А в 1506 г. скончался король, которого жена хоть как-то удерживала от неосмотрительных шагов. Паны и католическая верхушка передали корону брату Александра Сигизмунду, и литовские отряды ринулись на Русь.

Ход войны определялся не только боями, но и изменами. На сторону Москвы перешел могущественный князь Михаил Глинский с родственниками – он был любимцем короля Александра, но при дворе Сигизмунда его обидели, оттерли от ключевых постов и пожалований. А на службе Василия III состояли Константин Острожский и Евстафий Дашкович. Острожский, талантливый полководец, был взят в плен в прошлой войне, но под поручительство митрополита принес присягу великому князю. Литовский воевода Дашкович переехал в Россию добровольно. Во время войны оба перебежали обратно. Сигизмунд их принял с распростертыми объятиями, дал Острожскому Киев, Дашковичу Канев и Черкассы. В результате Глинский пытался взбунтовать Украину, но Острожский и Дашкович удержали ее в повиновении. Обещали казакам милости короля, настраивали против русских.

Тем не менее литовцам доставалось очень крепко. Московские полки разоряли их землю, доходили до Минска и Вильно. В 1508 г. Сигизмунд опять обратился к вдовствующей королеве Елене, просил стать посредницей. Она не отказалась, написала брату Василию III. Вроде бы заключили мир. Но недруги нашей страны рассуждали по-своему: к войне просто плохо подготовились. В Риме папа сменился, на престол взошел Лев X из банкирского семейства Медичи. Однако политическая линия Ватикана осталась прежней – сломить Москву, оплот православия.

Папа деятельно взялся помогать полякам и литовцам. Подключились германский император Максимилиан, король Чехии и Венгрии Людовик – племянник польского короля. Удалось заключить союз с крымским ханом Мехмет-Гиреем. Велась и поиски изменников среди русской знати. В 1510 г. Сигизмунд сумел связаться с братом Василия III Симеоном Калужским. Этот удельный князь вполне «созрел». Принялся жаловаться королю на «засилье» государя. Дескать, ущемляет его права. Готовился с группой бояр перебежать в Литву, но заговор раскрыли. Василий III намеревался посадить Симеона в тюрьму, но остальные братья дружно выступили с ходатайством, подключили митрополита, и изменник был прощен.

В 1512 г. враги нашей страны сочли, что теперь-то они собрали достаточно сил. Королеву Елену, помогшую заключить мир, подвергли демонстративному поруганию. Ее начали оскорблять, унижать, воеводы Радзивилл и Остиков схватили ее прямо в церкви во время обедни и заключили под арест, отобрав ее казну и лишив всех слуг. Она сумела переслать письмо брату в Москву, сообщила, как с ней обошлись, но письмо стало последним. В январе 1513 г. Елена скорпостижно умерла. Литовцы писали, что «от горести». Но все русские источники единодушно утверждают – ее отравили. Кто? Очевидно, те круги, которые желали спровоцировать войну.

На западных границах снова запылали сражения. Русские полки взяли Смоленск и еще ряд городов. Правда, литовцы под командованием Острожского одержали большую победу под Оршей, но вернуть Смоленск не смогли и, в свою очередь, были разгромлены возле Опочки. Вмешались татары, их конница накатывалась на русские окраины. Мехмет-Гирей нагло провозгласил, что Крым унаследовал власть Золотой Орды, поэтому хан вправе распоряжаться русскими землями. От Василия III он потребовал платить дань и уступить Сигизмунду Смоленск, Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль. В набеги вовлекли и Казанское ханство. И опять посыпались измены...

Михаил Глинский, в прошлой войне перешедший на сторону Москвы, оказался очень ненадежным подданным. О себе он был чрезвычайно высокого мнения и раскатал губы, что в награду за все заслуги Василий III должен отдать ему Смоленщину. Государь с такими претензиями не согласился, и Глинский оскорбился. Снесся с противником, заключили договор – Сигизмунд перечислил, какие города отдаст ему за предательство. Ну а в качестве «задатка» Глинский переслал важные сведения о русской армии. Именно они помогли Острожскому разбить государев корпус под Оршей. Но уехать к литовцам изменник не успел, задержали. Суд приговорил его к смерти, и спасло его лишь пожелание переменить веру. Он родился православным, потом перекинулся в католицизм, теперь просил вернуться в лоно православной церкви. Василий III заменил казнь пожизненным заключением и отдал осужденного под опеку митрополита.

В 1517 г. крамола обнаружилась в совершенно неожиданном месте. Рязань давно уже числилась в «подручниках» Москвы, ее обороняли московские войска. Княгиня Аграфена, правившая от лица малолетнего сына Ивана, во всем подчинялась государю. Но то ли внешние враги, то ли боярская оппозиция пристроили к Ивану соответствующих советников. Они настраивали князя сбросить зависимость. Повзрослев, он вздумал играть в самостоятельность. Начал сноситься с Литвой, а с крымским Мехмет-Гиреем заключил союз, посватал его дочку. Тут уж переполюшилось московское правительство. Еще не хватало, чтобы на Руси началась междоусобица и развалилась вся система обороны на юге, открыв татарам дороги в глубь страны! Конечно, государь этого не допустил. Вызвал Ивана к себе и взял под стражу. Но у него имелись сообщники и в Москве. Помогли сбежать в Литву. Тогда Василий III забрал Рязань под собственное управление.

Папа Лев X не скрывал, чью сторону он держит. По поводу победы литовцев под Оршей устроил пышные торжества и иллюминацию в Риме. Но войска Василия III, невзирая ни на что, били неприятелей. Литва и Польша выдыхались, их казна опустела. Папа и император Максимилиан предпринимали экстренные усилия, чтобы поддержать Сигизмунда. Для этого ему сосватали дочку герцога миланского Иоанна Галеаццо Сфорца. Он был могущественным кондотьером (прозвище Сфорца означает «сила»), поставлял всей Европе полки наемников. И он был сказочно богат, невеста принесла Сигизмунду крупное приданое, позволившее продолжить войну.

Но по отношению к русским Лев X и Максимилиан выступили вдруг миротворцами. Направили в Москву своих дипломатов, предложили посредничество. Послы императора Герберштейн, да Колло и де Конти доказывали пользу «благоразумной умеренности» и убеждали Василия III вернуть «хотя бы» Смоленск. А папа разъяснял, что с Литвой воевать вообще незачем. Когда Сигизмунд умрет, великий князь может выставить свою кандидатуру на выборах короля, получит всю Литву вместе с Польшей. За победу Василия Ивановича на выборах Лев X ручался, заверял, что сам посодействует. Для этого требовалась лишь одна «мелочь» – соединить русскую церковь с католической. Ну а сейчас надо помириться с Литвой, вместе с ней повернуть оружие на турок. Папа выражал готовность признать права Василия III на Константинополь, обещал короновать его «христианским императором».

В Москве такое «миротворчество» отвергли. Папе разъяснили, что в вопросах веры в его услугах не нуждаются. Что ж, Лев Х будто совсем не обиделся! Как ни в чем не бывало он прислал в Россию генуэзца капитана Паоло. Ему поручалось разведать пути в Индию через Волгу и Каспийское море. А русских просили посодействовать. Посланец объяснял великому князю, как будет выгодно русским, если итальянцы проложат себе дороги на Восток через нашу страну. Василий III был иного мнения и не позволил капитану вести разведку. Паоло уехал ни с чем, но вскоре вернулся – в качестве посла уже от другого папы, Климента VII. Кстати, он происходил из той же банкирской семьи Медичи. А Василия III пробовал соблазнить теми же перспективами, что его предшественник. Соединение церквей и война с турками – за это папа обещал королевскую корону.

Естественно, государя такие перспективы не воодушевили. Но в Рим с ответным визитом он отправил своего дипломата Герасимова. Папа чрезвычайно обрадовался. Правда, в грамоте Василия III оказались только вежливые реверансы, однако в Ватикане сочли, что самое главное посол должен передать тайно, на словах. А Герасимов, как нарочно, заболел. При папском дворе переполошились, очень переживали, как бы не помер. Но когда посол выздоровел, были весьма разочарованы. Выяснилось, что на переговоры о государственных, а тем более церковных делах он не уполномочен. Католические сановники не верили, подъезжали так и эдак. Нет, Герасимов подтверждал, что его задачей было только передать письмо с теми самыми реверансами.

Литве все-таки пришлось признать поражение, заключить перемирие. Но когда пришел срок продлить его, в Москве собралась целая конференция «миротворцев»! От папы приказал епископ Иоанн Франциск, от императора – граф Леонард Нурогальский, от эрцгерцога австрийского вторично пожаловал барон Герберштейн. Дружным хором они принялись нажимать на русских, требуя уступок. Чувствуя такую поддержку, литовские паны воодушевились. Заикнулись о претензиях на русские земли вплоть до Новгорода и Вязьмы. Да только и царские дипломаты нажиму не поддались. Удержали занятые города и земли.

Но оппозиция в нашей стране по-прежнему существовала. Кто-то постоянно распространял слухи, порочащие политику великого князя. Когда он начинал войну с Литвой, нашептывали, что он «нарочно ищет врагов». Когда решил проучить Казань – что он напрасно злит татар и добром это не кончится. Во время казанских войн пытались подогреть недовольство, играя на перебоях с волжской рыбой, обвиняя в возросших ценах на восточные товары. Правда, настроить народ против государя не удавалось, на Руси Василия III любили. Он даже обходился без личной охраны, считал это лишним.

Но изменники гнездились рядом с ним. Например, посол императора Герберштейн, дважды посетивший нашу страну, привел в своих записках описание Сибири, дорог в Персию и в Среднюю Азию. В ту эпоху сведения о географических открытиях в любом государстве считались важнейшей тайной и строго охранялись. Вспомним, что папскому посланцу Паоло запретили исследовать пути на Восток. Но Герберштейн назвал информатора, который выложил ему драгоценные сведения, – князь Симеон Курбский (знаменитому предателю он приходился двоюродным дедом). В свое время он входил в окружение Елены Волошанки, был близок к Вассиану Косому.

А Вассиан возле государя стал важным временщиком. И если он защищал сектантов от гонений и казней, то к борцам за чистоту веры относился совсем иначе. Священник Серапион из Заволжья раскрыл, что среди «заволжских старцев» процветает ересь. Но его доклад попал к Вассиану. Отреагировал он жестоко, «старец Васьян попа просил на пытку». При истязаниях ему сломали руку, и он умер в мучениях. Впоследствии ересь обнаружил архиепископ Ростовский. Его нельзя было уничтожить, как безвестного Серапиона. Но Косой добился от Василия III грамоты о неподсудности «заволжских старцев» архиепископу. А у митрополита Даниила постепенно копились материалы, уличавшие в ереси самого Вассиана. Но «старец»

набрал такую силу, что даже для предстоятеля Русской церкви оказался не по зубам. Он сам вел подкопы под митрополию, сеял у государя недоверие к ней.

Между тем измены продолжались и в мирное время. В 1523 г. был арестован северский князь Василий Шемякин, уличенный в тайной связи и переписке с Литвой. Перебежать к Сигизмунду готовился князь Мстиславский – тоже очутился в тюрьме. Еще один заговор организовали Шуйские и Иван Воротынский. Они планировали то же самое – перекинуться под крыло польско-литовского короля. Но их замысел раскрыли, и они удрали в Дмитров, в удел государева брата Юрия. Василий III добился их выдачи. Шуйских посадил, Воротынского после временной опалы помиловал. Но брат Юрий остался вроде бы ни при чем. Его вообще не наказывали. Хотя заговорщики, конечно же, не случайно искали укрытия у него.

К этому времени двое из братьев Василия III, Симеон и Дмитрий, ушли в мир иной. Но Юрий Дмитриевский и Андрей Старицкий сохраняли особый статус: значительную удельную самостоятельность, собственные дворы, войска. Как ближайшим родственникам государя им прощалось то, что не прощалось другим. Но они оставались вечно недовольными, что отстранены от верховной власти, от московской казны, от главных источников доходов. Именно к ним всегда тянулась оппозиция, и надежды на Юрия с Андреем имели под собой вполне реальную почву.

Василий III был двадцать лет женат на Соломонии Сабуровой, но не имел детей. Конечно, обидно. Но для государства, казалось бы, это не сулило каких-то бедствий. В Европе да и на Руси такое случалось, бездетным властителям наследовали братья. Однако у Василия III имелись некие серьезнейшие основания не доверять Юрию и Андрею. И не только у Василия! Митрополит Даниил, значительная часть духовенства и бояр тоже полагали, что передавать власть братьям нельзя. Причина могла быть только одна – их связи с оппозицией. Серьезные опасения, что переменится политический курс страны, будут подорваны позиции церкви. Вокруг митрополита сплотилась мощная партия, предложившая великому князю пойти на чрезвычайные меры, только бы продлить его род, – развестись с супругой.

Что ж, по нормам XVI в. шаг был и впрямь чрезвычайным. Развод допускался лишь в случае, если жена или муж уйдет в монастырь. Мало того, при пострижении одного из супругов второй, как правило, тоже принимал постриг. Но митрополит заранее освободил Василия Ивановича от такой обязанности. И все это предпринималось ради попытки зачать наследника. Только попытки! Ведь никто не знал, по чьей вине брак бесплоден, никто не гарантировал, родится сын или дочь. Но опасения относительно Дмитрия и Андрея были настолько весомыми, что святитель Даниил, иерархи церкви и бояре выступили за столь рискованное решение.

Но выступили и противники, взявшиеся доказывать недопустимость развода. Главным из них оказался Симеон Курбский. Тот самый, который выложил государственные тайны иноземцам. Братья Василия III благоразумно остались в стороне от обсуждений этой темы, но Курбский был с ними очень дружен. Однако и «старец» Вассиан Косой оказался вдруг принципиальным противником развода. Горячо агитировал, страшил последствиями греха. Причем мы располагаем убедительным доказательством, что оппозиция поддерживала связи с западными державами. Ведь примерно в это же время, в 1525–1526 гг., Москву посетили папские и императорские «миротворцы». Герберштейн, о котором мы уже упоминали, описал историю с разводом в самых черных тонах. Рассказал, будто митрополит постригал Соломонию насильно, она вырывалась, топтала ногами рясу и сдалась лишь после того, как дворецкий Иван Шигона ударил ее плетью. Передавал и слух, будто в монастыре обнаружилась беременность Соломонии. Она, к раскаянию мужа, родила сына Георгия, но никому его не показывала. Предрекала, что он явится «в мужестве и славе» и станет мстителем за нее...

Отметим, что Герберштейн – очень сомнительный источник. Его дипломатическая миссия дважды провалилась, и в своих записках, изданных на Западе, он густо полил Россию гря-

зью. При этом не особо заботился о правдоподобию, абы помрачнее и померзее. Даже такой враг нашей страны, как иезуит Поссевино, указывал, что Герберштейн много наврал. А его рассказ о разводе содержит ряд нестыковок. Если государь стремился к рождению наследника, мог ли он гневить Бога откровенным беззаконием? Грубая сила, чтобы заставить Соломонию, вовсе не требовалась. Ведь ее обрабатывали митрополит, другие священники, разъясняли со своей точки зрения долг по отношению к государству и церкви. А уж легенда о том, будто монахиня родила и никому не показывала ребенка, абсолютно не соответствует реалиям русских монастырей. Как и где она смогла бы растить младенца? В келье? Кстати, Соломония, в монашестве София, впоследствии прославилась как настоящая подвижница, причислена к лику святых.

Но обратим внимание, от кого мог Герберштейн слышать сплетни о насилии над Соломонией, о ее мнимой беременности. Ясное дело, не в ходе переговоров. Он с кем-то встречался тайно. Скорее всего, это был тот же Симеон Курбский или кто-то из его товарищей. Оставалось собрать вместе всех, кто был заинтересован в пресечении государева рода. Боярская оппозиция, еретики, внешние враги России и православия. Силы разные, а цели получились общие. Между прочим, упоминание о «тайном» сыне Соломонии, который явится «в мужестве и славе», может свидетельствовать, что уже в те времена носилась идея использовать самозванца, хотя еще не была реализована.

Борьба развернулась не шуточная. Оппозиция распускала слухи, привлекала сторонников правдами и неправдами. Вассиан Патрикеев втянул в эти игры преподобного Максима Грека. Ученый афонский монах, получивший образование в Париже и Флоренции, был приглашен в Москву для разбора греческих книг, собранных великими князьями. Работая с несколькими русскими богословами, Максим перевел ряд книг, выправлял старые переводы, сам писал духовные труды. Но простодушного и неискушенного в московских делах Грека вовлекли в политику. Он искренне, по-православному, считал, что разводиться нельзя, а его мнение использовали для агитации. Под прикрытием преподобного Максима стал собираться кружок заговорщиков. Его просили ходатайствовать за опальных, осужденных, и он по своей доброте соглашался.

Но из-за этого на него самого пало подозрение, что он сообщник крамольников. Его арестовали, а он, по той же простоте, откровенно рассказал, какие разговоры велись вокруг него. Оскорбление монарха во всех средневековых странах считалось тягчайшим преступлением и строго каралось. Так было и на Руси. За хулу на великого князя дьяка Федора Жареного били кнутом и отрезали язык. А боярин Берсень-Беклемишев выступал организатором кружка, искал и вовлекал единомышленников – ему отрубили голову. Максима Грека отправили в монастырское заточение.

Вассиану Косому на этот раз удалось выкрутиться, но государь отверг его поучения относительно брака. Все русские источники (в отличие от Герберштейна) сообщают нам, что Соломония сама, добровольно попросилась уйти в монастырь (или уговорили). А для поисков невесты использовали византийскую методику, общегосударственные смотрины. Все знатные семьи должны были представить своих дочерей подходящего возраста и здоровья. Их оценивали, отсеивали в нескольких турах. Из нескольких оставшихся делал выбор великий князь. Те, кто не удостоился столь исключительной чести, тоже не оставались внакладе, государь выступал их сватом и выдавал замуж за придворных.

Но выбор Василия III многих удивил. Он пал на Елену Васильевну Глинскую. Глава этого рода, Михаил Глинский, сидел в тюрьме. Его брат Василий, отец невесты, в измене не участвовал и опале не подвергался. Однако он ничем себя не проявил и уже умер. Елена росла сиротой, и брак с ней никаких политических выгод не сулил. Летописи называют единственную причину, по которой государь обратил на нее внимание: «лепоты ради ея лица и благообразия».

Елена была редкой красавицей. Пятидесятилетний Василий III по-простому, по-человечески влюбился.

На свадьбе гуляла вся Москва, радуясь за своего государя. Любя юную жену, Василий Иванович и сам «молодился», даже обрил бороду (что не приветствовалось церковными правилами). Однако с зачатием ребенка целых три года ничего не получалось. Видимо, возраст мужа все-таки сказывался, его с бородой не снимешь. Супруги совершали паломничества по святым местам, молились о наследнике в Переславле, Ростове, Ярославле, Вологде, на Белом озере. И снова оппозиция оживилась! Внедрялись слухи, что брак обречен на бездетность – из-за развода. Распространялись и грязные сплетни, силящиеся опорочить Елену.

В 1529 г. молитвы супругов были услышаны. Они зачали ребенка, и юродивый Домитиан предсказал Елене, что она родит «Тита широкого ума» – будущего Ивана Грозного. Но клеветники не унимались. Доказывали, что брак недействителен, Елена не иначе как колдует, да и от кого ребенок? Но великий князь жену в обиду не дал. Наоборот, круто осерчал, устроил интриганам настоящий разгром. В тюрьмы и ссылки попали князья Курбский, Щенятев, Горбатый-Суздальский, Плещеев, Ляцкий, боярин Морозов, дворецкий Шигона.

В ходе этих разборок закатилась и звезда Вассиана Косого. Государь наконец-то удалил его от себя. А митрополит Даниил давно собирал доказательства, что «старец» является тайным еретиком. До сих пор призвать его к ответу не получалось. Однако сейчас материалам дали ход. Косой предстал перед судом. Широкой огласке дело не предавали, как-никак, а Вассиан 20 лет был приближенным великого князя. Жизнь ему сохранили. Но место заключения определили в Иосифо-Волоколамском монастыре. Там братия хорошо помнила его нападки на св. Иосифа, на их обитель, так что поблажки исключались. В темнице он и умер.

Узел второй

Убийство Елены Глинской

Молодая супруга Василия III Елена Глинская родила ему двоих сыновей, Ивана и глухонемого Юрия. Но их семейное счастье продолжалось всего семь лет. Осенью 1533 г. государь поехал в Волоколамск на охоту, и у него вдруг обнаружился нарыв на бедре. При лечении в рану занесли заразу, началось воспаление. Василию становилось все хуже, и, наконец, он понял, что ему не выкарабкаться. Он был сильным и мужественным человеком, стойко переносил страдания. Но душа его была совсем не спокойна. Он подозревал, что в его собственном окружении затаились враги. Только и ждут подходящего момента нанести удар, перехватить власть. Сломать курс на созидание великой державы. Или даже пожертвовать верой...

В Волоколамске с Василием III находились младший брат Андрей Старицкий, князья Бельский, Шуйский, Кубенский, но государь скрывал от них свое состояние! В глубокой тайне отправил гонцов в Москву – привезти завещания своего отца и деда. Об этом знал лишь ближайший доверенный государя, Шигона. Дядя его жены Михаил Глинский долгое время провел в тюрьме за измену. После свадьбы Василий III освободил его, но важных постов не давал. Однако сейчас вызвал к себе. Рассчитывал, что родственник супруги не предаст, станет для нее надежной опорой. Гонцам запрещалось разглашать, что случилось и зачем они посланы. Но кто-то экстренно подсуетился известить другого брата великого князя, Юрия Дмитровского. Он примчался в Волоколамск, но Василий не желал, чтобы он находился рядом. Заверил его, что выздоравливает, и отослал обратно. Хотя он был уже обречен и знал это.

Кое-как больного доставили в Москву. Сразу же, едва государя принесли в его покои, он созвал у постели митрополита Даниила, бояр и продиктовал завещание. Назначал наследником сына Ивана, до 15-летнего возраста оставлял его на попечении матери и опекунского совета. Нет, не спокоен был Василий Иванович. Еще в 1531 г. он взял с братьев клятву быть верными не только себе, но и княжичу Ивану. Теперь заставил их повторить присягу. При этом заклинал Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, что надеется на их честь и совесть, убеждал исполнять крестное целование. То есть не был уверен, что исполнят. Племянников Бельских и прочих бояр тоже убеждал «блюсти крепко» сына и державу. Особо обращался к Глинскому, говорил, что тот должен за ребенка и Елену «пролить всю кровь свою и дать тело свое на раздробление».

3 декабря, чувствуя скорый конец, великий князь опять собрал бояр, четыре часа говорил с ними о предстоящем правлении. Когда обсудили все дела, позвал сына и жену. Елену привели под руки. Она билась в истерике, а Василий нашел силы успокаивать ее, уверял, что чувствует себя лучше. Но мамке Ивана, Аграфене Челядниной, великий князь приказал «ни пяди не отходить» от ребенка. Он боялся за наследника... Елена хотела остаться с мужем до конца, но он понимал, насколько это будет тяжело, жалел ее и приказал уйти. Еще раньше государь принял решение перед кончиной постричься в монахи, и сейчас для этого пришла пора. Он ненадолго забылся, а когда проснулся, стал рассказывать, что ему явилась св. великомученица Екатерина. Принесли ее икону, Святые Дары, чтобы причастить государя.

Но Василий III еще не успел уйти из жизни, когда его опасения начали сбываться. С ним уже перестали считаться! Он просил пострижения, а группа бояр во главе с Андреем Старицким воспротивилась, старалась не допустить этого. Хотя, казалось бы, какая им была разница, умрет Василий мирянином или монахом? Государь отходил, над ним читали канон на исход души, он шептал молитвы немеющими губами, целовал простыню, ожидая обряда. А рядом с ним разыгрывалась безобразная сцена. Бояре орали, спорили, не обращая внимания на умира-

ющего. Старицкий и Воронцов вырывали у митрополита монашескую ризу, и Даниил усмирил их только угрозой проклятия: «Не благословляю вас ни в сей век, ни в будущий!..»

Великий князь Василий, ставший при пострижении иноком Варлаамом, ушел в мир иной. Но и митрополит отнюдь не был спокоен за судьбы государства. Он вывел в «переднюю горницу» братьев государя и снова, уже в третий раз привел их к присяге верно служить Ивану Васильевичу и его матери, не изменять ни словом, ни делом и «не искать великого княжения». Аналогичную клятву митрополит взял с бояр и дьяков и лишь потом пошел к Елене сообщить о смерти мужа... В регентский совет при ребенке-государе по воле Василия III вошли Андрей Старицкий, боярин Захарьин-Юрьев, князья Михаил Глинский, Василий Васильевич и Иван Васильевич Шуйские, Михаил Воронцов, воевода Тучков.

Вероятно, отец хотел объединить вокруг наследника представителей разных боярских группировок. Но этого не получилось. А всего через месяц после похорон Василия III обнаружился первый заговор. Организовал его Юрий Дмитровский. Покойный государь отнюдь не случайно не доверял ему, не случайно не включил в регентский совет. Хотя Юрий был старше Андрея Старицкого. Но если исчезнет малолетний Иван, именно он становился наследником. В московском доме Юрия стали собираться его бояре, дьяк Тишков. Говорилось, что присяга дана под давлением, что наследник и регенты должны были дать Юрию взаимную присягу о соблюдении его прав. А раз не дали, то клятва недействительна. Примкнул участник прошлых заговоров Андрей Михайлович Шуйский.

Но когда пытались вовлечь князя Горбатого-Суздальского, он доложил в Боярскую думу и Елене. В начале 1534 г. Юрия Дмитровского, Андрея Шуйского и их соучастников бросили в тюрьму. Отметим, что Андрей Старицкий ничуть не протестовал против заточения брата. Признал меры вполне оправданными. Впрочем, теперь на роль ближайшего кандидата на престол выдвигался он сам! Но он вознамерился еще и пожить. Обратился к государю и Елене, требуя владения брата для себя. Нет, правительница опасалась усиливать потенциального противника. В компенсацию вместо городов и земель выделила золота, драгоценностей и прочих дорогих вещей из наследства мужа. Однако Андрей не удовлетворился, обиделся. Уехал в свою Старицу и принялся распространять обвинения в адрес Елены...

А ее положение было шатким. На Руси женщины управляли государством всего несколько раз – св. равноапостольная Ольга, Софья Витовтовна – мать Василия Темного. Поначалу бояре не видели в Елене полноправную властительницу. Но она стала ею. Умело лавировала между регентским советом и Боярской думой, играла на их противоречиях. Проявила и сильную волю, настаивая на собственных решениях. Ну а главной опорой великой княгини стал не дядя Михаил Глинский (которого она в своей жизни почти не знала). Ею стал Иван Федорович Телепнев-Овчина-Оболенский. Блестящий полководец, любимец военных, получивший за свои заслуги высший придворный чин конюшего.

Молва утверждала, что он стал фаворитом Елены. Что ж, государыне было лишь 27 лет. А Телепнев на войне всегда командовал передовыми частями, первым атаковал и неизменно одерживал победы. Это был лихой рубака, которому хотелось самому вести воинов в сечу, нестись в бешеные атаки, крушить неприятеля. В такого и впрямь можно было влюбиться. А сойтись Елене и Телепневу, судя по всему, помогла Аграфена Челяднина, мамка государя – она была сестрой Ивана Федоровича. Впрочем, рассматривая эти события, надо учитывать особенности русской морали в XVI в. Категорически осуждалась супружеская неверность, добрачные связи. Но на вдовьи романы смотрели куда более снисходительно. Это было грехом, влекло церковное покаяние, но не очень строгое. Ни митрополит, ни авторитетные церковные деятели той эпохи не считали нужным обличать Елену. Для государства ее любовь оказалась полезной. А если и не безгрешной, так кто из нас без греха?

Зато о «преступной связи» принялись трубить за рубежом. Хотя со стороны иностранцев это выглядело просто нелепо. В эпоху Возрождения по Европе гулял вообще необузданный и

неприкрытый разврат. Это считалось нормальным» и для аристократии, и даже для католического духовенства. Знатные дамы и проститутки отличались только ценой. А положение королевских фавориток и фаворитов выглядело вполне официальным, котировалось выше королев. Но уж русскую властительницу постарались опозорить покруче. Да и в нашей стране боярская оппозиция получила отличный повод для сплетен.

Надо отдать должное – Елена стала мудрой и талантливой государыней. Она затеяла такое великое дело, как расширение Москвы. В дополнение к Кремлю, возводился второй обвод укреплений, Китай-город. При Глинской разрабатывались и внедрялись некоторые новые законы. Был организован централизованный выкуп пленных из татарской неволи. Но мирные дела и замыслы быстро скомкались. Со смертью Василия III опять зашевелились враги. На троне оказались ребенок и женщина, как тут не воспользоваться? В 1534 г. польско-литовский король Сигизмунд выставил претензии возратить земли, отобранные у него в прошлых войнах. С ним заключил союз крымский Сахиб-Гирей, требовал огромную дань. Оба собирали армии.

Московское правительство тоже начало выдвигать полки на южные и западные границы. Но вскоре выяснилось – у неприятелей были и тайные союзники, внутри России. Заговор составили воевода Большого полка Иван Бельский и Иван Воротынский, т. е. главнокомандующий и его помощник. Участвовали сыновья Воротынского Михаил, Владимир и Александр. Вторую рать, против татар, формировали в Серпухове младший брат Ивана Бельского – Семен и окольничий Иван Ляцкий. Они тоже присоединились к крамольникам. Замыслили при наступлении противника открыть фронт и перекинуться на сторону Сигизмунда.

Но злоумышленников вовремя разоблачили, Ивана Бельского и Воротынских арестовали. Семен Бельский с Ляцким сумели ускользнуть, удрали в Литву. Правда, их не поддерживали даже приближенные. Слуги и воины из их свиты, когда их привели на чужую территорию, взбунтовались. Заявили, что не хотят служить предателям. Ограбили своих начальников и ушли на родину. Но Сигизмунд чествовал беглецов как дорогих гостей, пожаловал богатые поместья. Они заверяли короля, что оборона России слаба, большинство знати и народа недовольны правлением Елены. Неприятель без объявления войны вторгся на нескольких направлениях. Пожгли предместья Смоленска, Стародуба, Чернигова, взяли Радогощ.

А в России после раскрытия заговора шли перестановки военачальников, время было потеряно, помощи приграничным городам оказать не успели. Государевы рати выступили лишь поздней осенью 1534 г. Фаворит Елены Иван Телепнев, конечно же, мог получить самый высокий пост. Но он уступил главное командование Михаилу Горбатову. Взял, по своему обыкновению, передовой полк. Лихо ринулись в глубь неприятельских земель. В осады городов не ввязывались, разоряли экономическую базу врага и сеяли панику. Прокатились по окрестностям Орши, Борисова, Полоцка, Витебска, хозяйничали в 15 верстах от Вильно, вогнав в ужас короля и его двор. По весне с большими трофеями возвратились на свою территорию.

Но для противника этих ударов оказалось недостаточно. В 1535 г. они умело сманеврировали. На Рязанщину напали крымские татары, отвлекли на себя основные силы русских. А Сигизмунд воспользовался. Его армии захватили Гомель, после жестокой осады и штурма овладели Стародубом – за стойкую оборону рассвирепевшие поляки и литовцы перерезали все население, 13 тысяч человек. В следующем году, кроме крымцев, на Россию обрушились набеги казанского хана. Татары, ногайцы, башкиры, черемисы полезли разорять окрестности Нижнего Новгорода, Галича, Костромы, Муромы.

Но литовские рати, обложившие крепость Себеж, потерпели сокрушительный разгром. Их загнали на лед Себежского озера. Под тяжестью облаченных в доспехи тысяч людей, коней лед треснул. Наши воины рубили неприятелей, расстреливали из пушек и пищалей. Бегущие тонули. Сорокатысячная армия погибла почти полностью. А наша конница под командованием Телепнева опять прокатилась лихим рейдом до Любеча и Витебска. После таких пора-

жений литовцы уже не могли вести полноценную войну. Сигизмунд запросил мира. Спешил воспользоваться моментом, пока Россия сражается с крымцами и казанцами, – выторговать условия получше. В результате заключили перемирие на тех рубежах, которые достигла каждая из сторон. При этом Сигизмунд постарался сохранить лицо перед сенатом и сеймом – козлами отпущения он сделал предателей, Семена Бельского и Ляцкого. Объявил, что Литву втянули в войну именно они. Спровоцировали своей ложью, будто Россия слаба.

Ляцкий, спасшийся от русской тюрьмы, угодил в литовскую. Но Бельский опять ухитрился сбежать, на этот раз в Турцию. Причем показал себя уже хроническим, «идейным» иудой. По материнской линии он приходился племянником последнему рязанскому князю. Теперь добился приема у султана Сулеймана Великолепного, сообщил, что является законным наследником Рязани и просил помощи забрать свое наследство. Жители Рязанщины, наверное, ни сном ни духом не подозревали, что у них появился такой князь. И тем более им в головы не могло прийти, что Бельский в обмен на помощь отдает их землю... в подданство турецкому султану!

А Сулейман был себе на уме. Воевать с Россией он не собирался. Но от столь жирного подарка не стал отказываться. Признал права Бельского, отправил его в Крым и отписал хану – если появится возможность посадить его на рязанский престол, пускай подсобят. В Москве об этом узнали, встревожились. Бельского пытались выманить. Послали ему грамоту, что по молодости лет его прощают, приглашают вернуться. Обратились и к сопернику крымского хана Ислам-Гирею. Этого разбойника интересовали только деньги, и ему предлагали солидную плату, если он выдаст или убьет Бельского. Но не удалось. Пока деньги и письма везли в Крым, там прикончили самого Ислам-Гирея.

Однако и в Москве предателей меньше не становилось. Сажали одних, убегали другие, но появлялись новые. В конце 1534 г. был заключен в тюрьму самый высокопоставленный член регентского совета Михаил Глинский. Официально его обвинили в том, что он намеревался «овладеть престолом». Хотя, что случилось на самом деле, нам остается лишь гадать. Возможно, он силился подмять племянницу и ее сына под свое исключительное влияние – а для этого требовалось устранить от нее Телепнева, оттереть думских бояр. Или опять посчитал, что его обошли. Намеревался, как и в прошлую войну, передаться к противнику. Хотя нельзя исключать и третий вариант, что Глинского просто оклеветали. Причем оклеветали враги Елены – устраняя деятеля, который в будущем мог стать препятствием для их планов. В пользу этой версии говорит свидетельство одной из летописей, что Глинский пострадал «по слову наносному от лихих людей».

Ну а дядя малолетнего государя, Андрей Старицкий, продолжал сидеть в своем удельном княжестве. По-прежнему накручивал себя обидами, поносил Елену. До поры до времени она терпела. Но Андрей вел себя все более вызывающе. Отказывался приезжать в столицу на заседания Боярской думы, хотя это являлось его прямой служебной обязанностью. Симулировал, объявив себя больным. В войне против Литвы он со своим удельным войском не участвовал. Это выглядело вообще многозначительно. Получалось, что с Сигизмундом враждуют Елена и ее сын, а Андрей сохраняет «нейтралитет». Правительница, конечно же, знала об истинных причинах такого поведения. Объявила, что хочет помочь болящему, и послала к нему придворного врача Феофила. Он нашел князя абсолютно здоровым.

Но Андрей продолжал уклоняться от службы, не без издевки отписывал Елене: «В болезни и тоске отбыл я ума и мысли... Неужели государь велит влачить меня отсюда на носилках?» В 1537 г. правительство решило нанести удар по Казани. Готовили большой поход. Старицкому тоже приказали выступить со своими воинами. Государыня уже позаботилась, чтобы при его дворе имелись «глаза и уши». Соглядатаи доносили, что вокруг Андрея кучкуются недовольные, он поддерживает какие-то отношения с Литвой. А княжеские дружины, хоть и не участвуют в войнах, вооружаются и к чему-то готовятся.

Сперва напросилась версия, что Андрей собирается бежать к Сигизмунду. К нему послали с увещеванием крутицкого епископа Досифея, а одного из старицких бояр, приехавших в Москву, задержали для допроса. Но замышлялся вовсе не побег. Замышлялся мятеж и переворот. Вот только подготовку Старицкий завершить не успел. Арест боярина спугнул его. Он понял, что над ним нависло разоблачение, и выступил раньше времени. Со всем двором, семьей и воинскими отрядами он двинулся из Старицы на запад. Строил планы «засесть Новгород», где у него имелись связи и сообщники. К боярам и дворянам разослал грамоты: «Князь великий мал, а держат государство бояре. И вам у кого служить? А яз вас рад жаловати».

Некоторые откликнулись – в том числе видные воеводы князя Пронский, Хованский, Палецкий, бояре Колычевы. Съезжались к нему. Но, собирая сторонников, он упустил время. Елена же действовала без промедления. Боярин Никита Хромой-Оболенский помчался в Новгород, опередив мятежников и взяв город под контроль. А Иван Телепнев с конной ратью бросился в погоню за Андреем. Изменник заметался. Узнал, что Новгород для него уже закрыт, и повернул к литовской границе. Телепнев настиг его у села Тюхоли, развернулся к бою. Андрей растерялся. Среди его сподвижников пошел разброд. Одни не хотели драться с соплеменниками. Другие размечтались возвести князя на престол, получить награды – но роль изгнанников совсем их не прельщала.

Старицкий понял, что его войско слишком ненадежное, и вступил в переговоры. Соглашался сдаться, если ему гарантируют неприкосновенность. Между прочим, гарантии он просил только для себя. Те, кого он соблазнил и повел за собой, Андрея не интересовали. Ну а Телепнев отнюдь не горел желанием проливать русскую кровь. Дал требуемую клятву. Мятежников привезли в Москву. Хотя в столице Елена выразила гнев фавориту. Объявила, что он превысил полномочия и не имел права давать гарантий без ведома великой княгини и государя.

Действительно ли Телепнев предлагал простить заговорщика? Или он вместе с Еленой преднамеренно разыграл этот сценарий? Скорее всего, получилась «импровизация». Ведь от западных границ воевода никак не мог быстро снестись с Москвой, согласовать решение. Однако в Средневековье не только на Руси, но и в Европе нередко практиковалось, что клятва обходилась по формальным признакам. А формальности были вполне соблюдены. Андрей желал клятвы – и получил ее. Телепнев ее не нарушил. Но он и впрямь не мог предрешать волю государыни, не связанной никакими обещаниями.

В итоге все сложилось оптимальным образом. Опасность ликвидировали, и русские воины остались целы. Так что и гнев государыни на Телепнева вряд ли был искренним и быстро прошел. А вооруженный мятеж был очень серьезным преступлением. К самым знатым изменникам Боярская дума и государыня все-таки подошли помягче. Старицкого заключили в темницу, его жена Ефросинья и сын Владимир были взяты под домашний арест. Князей Пронского, Хованского, Палецкого били кнутом на Красной площади. Бояр и других знатных сообщников отправили по тюрьмам и ссылкам. А в полной мере расплатиться пришлось их подручным. 30 «детей боярских» (мелких дворян) повесили в разных местах на дороге от Старицы до Новгорода.

Для государства этот мятеж нанес колоссальный ущерб. Готовившийся поход на Казань пришлось отменить. В результате казанский и крымский ханы успели договориться друг с другом, начали действовать сообща. А для Елены выступление Старицкого продемонстрировало ненадежность знати. Вместо того чтобы разгромить казанцев, государыне пришлось начать с ними переговоры о мире. Хотя бы на самых легких условиях, только бы получить временную передышку, укрепить состояние страны. Подрастал и сын Иван Васильевич. По обычаю, в семилетнем возрасте мамку Аграфену Челяднину должен был сменить «дядька»-воспитатель. Им стал Иван Федоров-Челяднин – родственник Аграфены, племянник ее покойного мужа.

Когда дело касалось интересов государства и сына, Елена не останавливалась и перед крутыми мерами. Однако встречающиеся у некоторых историков обвинения, будто она тайно

убивала заключенных противников, являются голословной клеветой. Заговорщики Андрей Шуйский, Иван Бельский, Воротынские, Пронский, Хованский, Палецкий остались в тюрьме живыми и здоровыми. Юрий Дмитриевский умер через три года после ареста, Михаил Глинский – через два. Если правительница хотела убить их, зачем было так долго ждать? Скорее, сказались естественные причины. Оба находились уже в возрасте, а средневековая темница была далеко не курортом. И только Андрей Старицкий скончался через шесть месяцев заключения. Может быть, сказался стресс. Но не исключено, что ему-то действительно «помогли» уйти из жизни. Было ли это сделано по приказу Елены или Телепнева? И было ли вообще? Нам остается лишь гадать. Но если так, то мятежника устранили исключительно вовремя...

Потому что 3 апреля 1538 г. умерла Елена. Умерла внезапно, ничем не болела. А исследование ее останков однозначно установило причину смерти. Содержание мышьяка в них оказалось в 10 раз выше предельно допустимого уровня. И это было не просто убийство. Это был хорошо спланированный переворот. Организовали его бояре, чья фамилия уже неоднократно встречалась среди оппозиционеров и заговорщиков. Шуйские. Глава их клана, Василий Васильевич Шуйский с 1535 г. был главнокомандующим русской армией, вместе с братом Иваном верховодил в Боярской думе. Они подтянули в Москву своих сторонников, дружины слуг.

Переворот был верхушечным, быстрым, москвичи не подозревали, что же произошло. Елена скончалась «во втором часу дня» (время дня и ночи считали от восхода или заката солнца, т. е. она преставилась около восьми утра). В тот же день ее похоронили, без великокняжеского погребального чина, без прощания народа, оплакивания. Скоплений людей избегали, даже митрополита не пустили на похороны – заговорщики не доверяли ему, фактически взяли под арест. Правительницу России, мать государя поспешно вынесли из дворца и закопали!

Оставался любимец государыни Иван Телепнев, но... без правительницы он ничего не значил. Он был популярен в армии, но ведь он сам во время войны легкомысленно уступил пост главнокомандующего Шуйскому, увлекся подвигами в передовом полку. Переворот застал Телепнева врасплох, он был оторван от своих удалых рубак. Еще вчера он был могущественным воеводой, третьим лицом в государстве. А сейчас его единственной опорой остался ребенок, великий князь Иван! Конюший укрылся в его покоях, утешал после смерти матери, но и сам видел в нем хоть какую-то защиту. Очевидно, пытался связаться с друзьями. Но Шуйские оцепили дворец, никого не пропускали.

Им понадобилась неделя, чтобы договориться с остальными боярами, кого-то подкупить, перетянуть на свою сторону, остальных припугнуть. А потом и защита маленького государя не помогла. Победители бесцеремонно явились в его покои, схватили Телепнева вместе с мамкой Аграфеной Челядниной. Великий князь Иван Васильевич плакал, умолял, но на него не обращали внимания. Телепнева без суда бросили в темницу, и вот он-то умер очень быстро. Его умили голодом. Аграфену постригли в монахини и сослали в Каргополь. Но «дядька» Федоров-Челяднин не пострадал. Мало того, при новых правителях он возвысился. Только перестал быть «дядькой» при Иване – его купили другими должностями и пожалованиями, чтобы не путался под ногами.

Эти события позволяют ответить на некоторые неясные вопросы. Почему Андрей Старицкий так упорно и, на первый взгляд, бессмысленно отсиживался в своем уделе? А когда начался его преждевременный мятеж, почему хотел засесть в Новгороде? Победить в междоусобице для него было совершенно не реально. Но он надеялся дождаться, пока сообщники в Москве сумеют отравить Елену... Если бы к моменту переворота Старицкий был еще жив, дальнейшее решалось автоматически. Он стал бы государем, а Иван с братом Юрием сгинули вслед за матерью и приближенными. Однако Андрея уже не было. Чуть-чуть не дождался. Поэтому заговорщикам пришлось сохранить ребенка, чтобы править от его имени.

Но стоит особо подчеркнуть немаловажный факт. Боярская оппозиция по-прежнему была связана с Западом! Ни один русский источник не сообщал, что Елена отравлена. Иван

Грозный впоследствии так и не узнал об этом. В своих разборках с боярами он никогда не выдвигал обвинений в убийстве матери. Однако за границей о ее убийстве знали! Мало того, одобряли! В прошлой главе мы рассказывали про барона Герберштейна, дипломата и шпиона, добывавшего у бояр географические секреты и политические сплетни. В своих записках он указал, что Елена была отравлена, и назвал злодеяние «справедливой местью». Отметим, что в России он побывал в 1517 и 1525 гг. В 1538 г., когда совершился переворот, Герберштейн жил далеко от нашей страны, в Вене. Значит, каким-то образом получал информацию из боярских кругов. А заговорщики почему-то считали нужным делиться с чужеземцами столь страшными тайнами. Только ли делиться? Или их действия регулировались из-за рубежа?

Узел третий

Временщики – Шуйские и Бельские

Шуйские происходили из суздальских князей, Рюриковичей. Причем они были из старшей ветви, а московские государи из младшей. Так сложилось исторически, и традиция уже прочно закрепила престол великого князя за потомками Калиты и св. Дмитрия Донского. Кстати, старшая ветвь Шуйских вела свой род от давнего предателя Василия Кирдяпы. В 1382 г. он был одним из тех, кто навел хана Тохтамыша на Москву, помог уговорить защитников открыть ворота, в результате чего было вырезано 24 тыс. человек. Кирдяпе пришлось поплатиться за это. Сын Дмитрия Донского Василий отобрал у него и его родных их княжество – Суздаль, Нижний Новгород, Городец, а на «прокормление» дал городок Шую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.